

РУССКИЙ ВЕЧЕР В НИЦЦЕ

ЕКАТЕРИНА БАРСОВА

Екатерина Барсова
Русский вечер в Ницце
Серия «Французский
шарм. Лучшие детективы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63967961
Русский вечер в Ницце: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-119091-0

Аннотация

На известную балерину Ингу Мартинсоне свалились неприятности: кто-то следит за ее машиной, из дома пропадают вещи, в Большом театре решили закрыть спектакль, где она танцует главную партию... Вдобавок Инга неожиданно узнала ошеломляющую новость – у нее есть сестра, внебрачная дочь отца, знаменитого артиста балета. Если информация просочится в прессу, будет скандал! Однако Инга все же решила познакомиться с девушкой, возможно, они даже подружатся.... Но планам балерины не суждено было сбыться – Лену убили. Неужели семья Инги как-то замешана в этом преступлении?

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	31
Глава третья	52
Глава четвертая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Екатерина Барсова

Русский вечер в Ницце

© Барсова Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ЕКАТЕРИНА БАРСОВА

РУССКИЙ ВЕЧЕР
В НИЦЦЕ

Москва
2021

Глава первая

Инга не сразу обратила внимание на эту машину. Но когда увидела ее в зеркальце заднего вида во второй и третий раз, что-то насторожило ее. Она прибавила скорость. Тот автомобиль тоже. На трассе движение было не очень интенсивным, Инга вырвалась вперед и увидела – машина едет справа от нее на определенном расстоянии. Нахмурившись, подумала: кто-то преследует ее? Зачем? Или это совпадение и она напрасно нагнетает страх?

Инга сделала глубокий вздох и задержала дыхание, пытаюсь успокоиться. Уговаривала себя: вот через некоторое время посмотрит снова в зеркальце, и машины уже не будет... Стояла темнота, и разглядеть водителя было невозможно. Присмотревшись, Инга поняла, что к тому же у машины тонированные стекла. Кто же там, за ними?

Она не представительница шоу-бизнеса, чтобы ее преследовал навязчивый поклонник. У звезд эстрады полно чокнутых фанов, готовых на все, а она – балерина, ее лицо не растражировано на экранах и в прессе. Наверное, просто ей кажется...

Но беспокойство не проходило. Инга резко затормозила и остановилась около стеклянного ларька. Краем глаза увидела, что та машина тоже припарковалась метрах в двадцати. Инга открыла окошко, наклонилась и спросила у продавщи-

цы:

– Есть минеральная вода? – Ей вдруг захотелось пить.

– Конечно.

Инга решила так: вот купит сейчас воды и подойдет к тому автомобилю. И прямо спросит у водителя, зачем он преследует ее. Может, он повертит пальцем у виска и скажет, что у нее расшалились нервы. Тогда она с облегчением поедет дальше.

Заплатив за минералку, Инга резко повернулась... Той машины не было. Уехала.

Все нормально! Конечно, она раздула страх на пустом месте. Трусиха!

Инга села за руль и посмотрела на часы – через пятнадцать минут она будет уже дома. Включила зажигание, тронулась с места и машинально посмотрела в зеркальце. Неизвестный преследователь по-прежнему ехал за ней!

Инга почувствовала, как неприятно екнуло в груди. Что делать?

Она вела машину и поминутно бросала взгляд назад. Преследователь держался на расстоянии, но не отставал от нее.

Инга свернула в красивую высокую арку и, проехав несколько метров, затормозила. Ее дом находился в одном из старинных московских переулков. Машина с преследователем тоже въехала в арку и остановилась. Инга выскочила из своего автомобиля и бросилась к подъезду. Набрала код и потянула на себя тяжелую дверь. Консьержки на месте не

было. Инга побежала по широкой лестнице на пятый этаж, перепрыгивая через ступеньки. Ей казалось, что за ней гонятся.

Инга буквально ворвалась в квартиру с криком:

– Валя! Валя!

– Я здесь, – откликнулась домработница, выходя из комнаты. Охнула: – Что случилось? На вас лица нет.

– Нет. Все нормально, – отрывисто бросила Инга. – Приготовьте мне кофе.

– Одну минуту.

Валя пошла на кухню. Инга сняла полушубок и повесила его на вешалку. Сняв сапожки, сунула ноги в тапочки. Ее тело все еще сотрясала дрожь – неприятный случай на дороге выбил ее из колеи...

Инга прошла в комнату и села на диван.

Через пару минут вплыла Валя, держа в руке маленький поднос, на котором стояли чашка с кофе и сахарница.

– Спасибо.

Домработница стояла рядом.

– Что-нибудь еще? – поинтересовалась она.

– Нет, Валя, больше ничего не надо.

– Я могу идти?

– Да, конечно.

– Завтра приходите как обычно?

– Я еще не знаю. Я позвоню вам и скажу.

– Буду ждать. До свидания.

– До свидания.

Валя вышла из комнаты. А через несколько минут Инга услышала, как тихо захлопнулась входная дверь.

Она осталась одна. Инга очень дорожила такими минутами, когда не было слышно никаких звуков, кроме легкого вечернего гула за окнами. Но этот шум не отвлекал и не раздражал ее, а, наоборот, успокаивал. Он был родным и привычным с детских лет.

В этот дом ее семья переехала, когда Инге было семь лет. Она и ее старший брат Андрей не хотели уезжать из старого дома, где все было знакомым и обжитым. Но их никто не спрашивал.

Когда Инга впервые вошла в квартиру, она ахнула: та показалась ей сказочно-огромной. Целых три комнаты и большая кухня. Комнаты просторные, светлые, с высокими потолками. Брат тоже ходил из комнаты в комнату, как зачарованный. Им с трудом верилось, что теперь они будут здесь жить.

Через много лет Инга все тут переделает по-своему. Из трех комнат сделает две. Три комнаты ей не нужны, слишком много для одной. Это случится, когда умрет отец. Тогда мать переселится в квартиру своей матери, брат купит собственную, а Инга останется в родовом гнезде.

Эти стены ее грели. Это был ее дом. Здесь она восстанавливала силы и приходила в себя после выступлений.

Инга была известной балериной, но каждый раз она ис-

пытывала страх перед сценой. Даже не страх – кошмарный ужас. Он возникал где-то глубоко внутри и постепенно разливался по всему телу. Инга чувствовала себя какой-то неуклюжей, деревянной. Ей казалось, что вот сейчас она выйдет на сцену и упадет. Или споткнется на ровном месте. Но в самые последние секунды перед выходом она брала себя в руки и включала невидимый мотор. Страх отступал. И в эти минуты ощущала ликование от того, что справилась с собой, смогла победить свое волнение.

Каждая роль была для нее как последняя. А каждое выступление – как коррида.

Она много раз думала: кем она могла бы стать, если бы не стала балериной? И всякий раз ответ был один: никем. Танец являлся ее жизнью. Даже больше – ее натурой и вторым «я».

Любовь к танцу передалась ей по наследству – отец Инги был знаменитым танцовщиком, артистом Большого театра, чье имя гремело на весь Советский Союз. Со стороны могло показаться, что вся его жизнь – блистательный воздушный полет. Но это было не так. Инга видела, сколько труда вкладывал отец в свои роли, сколько нервов сжигалось в топке под названием «балет». Но это не могло охладить пыла маленькой Инги и ее желания тоже стать балериной. Она не могла представить себя в другом качестве. Никак. И никогда.

Балет был их семейным делом. Отец, брат, она...

Отец буквально сгорел после вынужденного ухода из Большого. Не выдержал травли, которая развернулась во-

круг него. А ведь ему было всего лишь пятьдесят лет. Разве это возраст? Даже по простым человеческим меркам. И уже тем более – по балетным. Артисты балета славятся своим долголетием – Ольга Лепешинская, Тамара Карсавина, Екатерина Гельцер, Вахтанг Чабукиани, Асаф Мессерер...

У него просто остановилось сердце. В творческом плане отец мог все, а в быту был человеком слишком ранимым, как будто без кожи. За что и поплатился.

Инга допила кофе и повертела в руках чашку. Хотелось еще. Но Валя ушла. А вставать с места, идти на кухню и готовить кофе не хотелось. Она сидела на самом своем любимом месте в квартире: на диване под портретом отца. В такие минуты она вела мысленный диалог с ним. Он был для нее живым. С ним она могла советоваться, спорить, размышлять. Если в какой-то момент ей требовалось сделать выбор, Инга всегда представляла, а что бы выбрал сейчас отец. И поступала так, как сделал бы он.

Инга вытянула ноги, вдохнула свежий прохладный воздух – окно было приоткрыто. Весна нынче выдалась ранняя. Вообще-то она любила все времена года, но весну – особенно. И особенно раннюю. Ах, этот головокружительный запах свежего ветра и талой воды...

Она не любила ничего яркого, четкого и определенного. В живописи ее любимыми художниками были импрессионисты – мастера размытых красок. Любимым временем дня –

сумерки. Любимыми цветами – все оттенки зеленого, особенно изумрудный, а еще белый и серебристый. А из цветов она обожала фрезии и белые розы.

Инга встала и подошла к огромному зеркалу. Она отразилась в нем во весь рост – высокая молодая женщина с рыже-ватозолотистыми волосами и зелеными глазами. У нее были четкие черты лица, словно высеченные скульптором. Сказывалась прибалтийская кровь со стороны отца. Во взгляде все еще таилась тревога от недавнего происшествия.

Зазвонил телефон, и она машинально бросила взгляд на часы – десять вечера. Подняла трубку.

– Привет! – Это был брат. – Есть одно дело. Нужно, чтобы ты срочно приехала.

– Куда?

Брат прикрыл трубку рукой и у кого-то спросил:

– Что ты предлагаешь?

Незнакомый мужской голос что-то ему ответил.

– Инга, подъезжай к ресторану «Фаду». Это недалеко от твоего дома. Сейчас продиктую адрес.

– Но я устала, мне не хочется никуда идти.

– Так надо.

– Кому?

– Ты все узнаешь. Очень надо, Инга.

Голос брата был настойчив и серьезен, а она привыкла во всем слушаться его. С детских лет.

– Хорошо. Я приеду.

– Вот и умница!

Ресторан... Значит, надо было одеться соответствующим образом. Но слишком помпезно выглядеть не хотелось. Это не в ее стиле. Немного подумав, Инга выбрала легкие черные брюки и изумрудно-серебристый жакет, который шел к ее цвету глаз и волос.

Макияж она смыть не успела, поэтому ей не пришлось краситься заново. Она только добавила на ресницы туши и провела по губам светло-коричневой помадой. Потом подушила любимыми духами «Герлен» и поправила прическу: пышные волосы были собраны на затылке в изящный узел. Как у античных статуй.

Инга погасила в большой комнате свет и вышла в коридор. С одной стороны здесь шкаф-купе, с другой – зеркало во всю стену. Под ним галошница из темного дерева.

Одежда висела на металлической вешалке в виде разветвленного дерева, которую она купила в магазине авторских изделий. Оригинальный дизайн! Она приобрела ее, не торгуясь, хотя стоила вешалка недешево.

Инга закрыла дверь и спустилась по лестнице. Проходя мимо консьержки – та сейчас была на месте, – кивнула ей. Женщина ответила почтительным «доброй вечер».

Раньше в доме жили в основном артисты балета. Потом публика стала постепенно меняться. Наследники громких фамилий продавали квартиры, а вместо них въезжали новые жильцы: банкиры, финансисты, люди без определенных за-

нятий и любовницы криминальных авторитетов. Творческая публика еще оставалась в доме, но с каждым годом ее становилось все меньше и меньше.

Инга вышла на улицу и направилась к своей машине. Она любила ездить на автомобиле, чувствовать скорость и энергию. Водительские права на машину она получила десять лет назад и с тех пор стала заядлой автомобилисткой.

Ресторан «Фаду» действительно находился недалеко от ее дома. Кажется, Инга как-то раз была там с одним из поклонников. Когда она подъехала по адресу, оказалось, что перепутала: это был другой ресторан, в другой переулке. Но очень похожий.

Инга припарковала машину и двинулась к входу. На встречу ей выступил охранник, гигант под два метра, одетый в блестящий костюм, с фуражкой на голове.

– Вы к кому? Все столики заказаны.

– Меня ждут.

– Фамилия?

– Инга Мартинсоне.

Охранник узнал ее.

– Да. Все правильно. Проходите.

Инга потянула дверь на себя и оказалась в уютном фойе, отделанном красным деревом. На стенах висели бланки меню в золотых рамках. Она сдала полушубок в гардероб, и в тот момент зазвонил мобильный.

– Алло!

– Инга, ты где?

Она узнала голос брата.

– Уже внутри.

– Мы в зале. Второй столик у окна.

Инга бросила на себя мимолетный взгляд в зеркало. И направилась в зал.

Брат сидел за столиком вместе с мужчиной, который был Инге незнаком. Высокий, черноволосый. На подбородке – легкая щетина, которая, впрочем, придавала ему шарм. Внимательные светлые глаза. При виде Инги он встал.

– Здравствуйте!

– Добрый вечер, – чуть склонила голову балерина.

Андрей поднялся со стула и весело обратился к сестре.

– Познакомься. Это мой давний знакомый Валдис Бракшните.

Инга протянула руку, и мужчина поцеловал ее.

– У Валдиса к тебе есть одно дело, – добавил брат.

Инга молчала.

Андрей посмотрел на часы.

– К сожалению, я должен вас покинуть. Обговорите все без меня. Пока...

И, поцеловав Ингу в щеку, помахав ей рукой, Андрей стремительно умчался. Он всегда был таким: динамичным, стремительным. Инга по сравнению с ним чувствовала себя Снежной королевой. Медлительной и величавой.

– Давайте присядем, – предложил Валдис.

Инга села за столик.

– Что будем заказывать?

Инга взяла меню.

Она чувствовала неловкость. Зачем Андрей вызвал ее? Мог бы и объяснить, в чем дело. А то она сидит с незнакомым человеком и не знает, что говорить.

– Кофе-«эспрессо», – обронила Инга, пролистав меню.

– И все?

– Все, – сухо сказала она.

Инга поняла замысел Андрея. Время от времени брат пытался познакомить ее с разными своими приятелями и знакомыми, надеясь, что сестра найдет себе спутника жизни.

Недостатка в поклонниках у Инги не было, но она не позволяла себе зайти слишком далеко. Андрей же неоднократно говорил, что ей нужно начать новую жизнь. Найти подходящего мужчину.

– А я себе закажу по полной программе. Только что прилетел из Сингапура. Голодный и усталый, – улыбнулся Валдис.

– Как хотите. – В голосе Инги по-прежнему звучали нотки недовольства.

Валдис позвал официанта.

Перед Ингой дымилась чашка кофе. Новый знакомый увлеченно рассказывал о Сингапуре. Инга слушала его вполуха. Ей хотелось прервать беседу. Но что-то останавливало.

Наконец она решилась:

– Кажется, вы хотели со мной поговорить?

– Да. – Валдис отодвинул блюдо с аппетитным куском мяса. – Извините, я, наверное, вас задержал?

Инга оставила вопрос без ответа.

– Дело в том, что я являюсь генеральным директором шоколадной фабрики «Нестлана». Точнее, филиала этой фабрики в России. Мы сейчас готовим несколько важных рекламных акций по раскрутке бренда и хотим привлечь к участию артистов балета, кино и эстрады. Я очень хотел бы видеть вас в рекламном ролике.

– Почему? – быстро спросила Инга. Вопрос вылетел у нее как бы сам собой. Случайно.

Валдис рассмеялся.

– Я с детских лет любил ходить на балет. Когда мне было пять лет, я попал на выступления вашего отца. Это было... – мужчина запнулся. – Я сидел в зале и чувствовал, как у меня перехватывает дыхание.

Инга невольно погрузилась в воспоминания. Она много раз слышала от людей о том необыкновенном впечатлении, которое производил на них танец ее отца. Часто люди пользовались рассказом об этом как лазейкой, чтобы поближе подобраться к ней. Они думали, что их лестные слова об отце станут как бы отмычкой к ее душе, она откроется, растает.

Инга ощутила глухое раздражение.

– Давайте поговорим о деле.

– Извините. Но я уже вкратце обрисовал мое предложение.

– А что конкретно мне нужно будет делать?

– Я еще не знаю.

У Инги едва не вырвался смех. Неслыханно! У этого генерального директора еще ничего нет, кроме голого замысла. И он хочет, чтобы она, не раздумывая, приняла его предложение? Да он просто собирается нажиться на ее имени!

– Я думал, что, может быть, вы... поможете мне.

– Каким образом?

– Подскажите идею. Просто я хотел видеть в ролике вас...

Инга подавила вздох.

– И вы, приехав из Сингапура, сразу обратились к моему брату, зная, что я не откажу ему?

– Нет. Не так. Я давно знаю Андрея. Это он порекомендовал мне обратиться к вам. Я бы никогда не посмел... – мужчина замолчал.

Ситуация напоминала дурацкий фарс. Она сидит тут и слушает человека, который еще не может толком сформулировать свои мысли, план, концепцию. И просит ее помочь. В чем?

– Я ничего не могу вам сказать.

Инге показалось, что собеседник обрадовался ее словам.

– Я не тороплю вас. Вы подумайте. Я дам вам материалы. Просмотрите их. Если вам что-то понравится – отметьте это. Но вы можете и сами придумать креативную идею.

– Я еще не дала окончательного согласия.

– Конечно.

Инга подумала, что с такими людьми надо разговаривать на их языке: жестко, без сантиментов. Но и Андрей тоже хо-рош! Мог бы предупредить, в чем тут дело. Может, она и не стала бы приезжать сюда. В конце концов, она никогда не опускалась до рекламы. В ней не было никакой необходимости! Она с презрением смотрела на актеров, которые рекламировали какой-нибудь стиральный порошок или бытовую технику. Инга Мартинсоне не станет делать подобного!

Инга решила, что пора ставить точку в этой встрече.

– Я никогда не снимаюсь в рекламе. Такова моя принципиальная позиция. Очень жаль, что мой брат не сказал вам об этом.

– Почему?

– Придется слишком долго объяснять.

– Вы считаете, что сниматься в рекламе – низко и недостойно настоящего художника?

– Что-то вроде того.

– Но другие артисты снимаются.

– Их личное дело.

– Вы думаете, что реклама – это так просто? Снял и все?

– Не знаю. Я думаю, что каждый должен заниматься своим делом. Кто-то танцевать, а кто-то сниматься в рекламе.

– Не вся реклама такая тупая, какую крутят на нашем ТВ. Недавно я побывал на международном фестивале рекламы

в Мюнхене и был потрясен, какой, оказывается, разнообразной и интересной может быть реклама. Я даже не представлял себе! Сидел в зале и просто смотрел все подряд. Было много ерунды, но часто попадались и стоящие вещи. Например, вот такой ролик: большое яблоко, а в него со всех сторон вгрызаются белые черви с черными головками. Приглядевшись, понимаешь, что это – сигареты. Потом от яблока остается огрызок. Идет закадровый голос: такой станет ваша кожа, если вы не бросите курить. Здорово, правда?

Бракшните говорил с энтузиазмом.

– Любопытно.

– Кое-какие ролики я привез. Если хотите, могу дать вам посмотреть.

– Не надо. К сожалению, у меня совершенно нет свободного времени. Ни минутки.

– А я надеялся вас уговорить... – И Бракшните широко, по-мальчишески, улыбнулся.

– Напрасно. Я свое мнение обычно не меняю.

Во взгляде Валдиса мелькнула растерянность.

– Вдруг вы все же передумаете? – Он достал из кожаного портфеля, лежавшего на соседнем стуле, папку и протянул ей.

На какую-то долю секунды балерине стало жаль его, и она кивнула:

– Хорошо, я просмотрю ваши материалы.

– Когда можно вам позвонить?

Она задумалась.

– Дня через три.

Инга встала.

– Вы так и не выпили кофе! – напомнил собеседник.

– Спасибо. Не хочу.

Валдис поднялся, чтобы проводить ее.

– Не надо, – покачала головой Инга.

И ушла, даже не обернувшись.

Садясь в машину, она все еще ощущала досаду и раздражение. Ее пытаются втянуть в сомнительный проект. Прикрыться ее именем. Здесь даже нет никакого намека на мужское внимание. Просто бизнес, чистой воды. Как же Андрей сразу этого не понял? Он ведь прекрасно знает ее отношение к рекламе. Почему тогда согласился позвать ее на встречу? Почему не предупредил ее?

Она набрала номер Андрея, но абонент был временно недоступен. Звонить брату по домашнему Инга не рискнула: время было позднее, маленькая дочка Андрея наверняка уже спала.

«Позвоню утром», – решила она, убирая сотовый в сумочку.

Инга привыкла во всем слушаться брата. Но сегодняшний случай – исключение. Тут нужно проявить самостоятельность, высказать свое мнение. Напрасно Андрей познакомил ее с Бракшните. Сниматься в рекламе она не станет.

Ни за что! Стоит только раз отступить от своих принципов – и ты пропал. На тебе как на артисте можно будет ставить крест. Для людей ты уже будешь ассоциироваться со стиральными порошками и средствами для мытья посуды.

Дома Инга приняла душ и легла спать, предварительно поставив будильник на семь утра.

Проснувшись утром, она вспомнила, что на сегодня у нее много планов. С утра – репетиция в Большом театре. Потом – другая репетиция, в драматическом театре. Она впервые пробует себя в новом амплуа – драматической актрисы. Это решение далось Инге нелегко. Ей казалось, что она изменяет своему любимому балету. Но ее педагог, Ирина Николаевна Сеницына, сказала, что нужно расширить границы творчества и попробовать себя в разных жанрах.

Наверное, она права. Балет – скоротечен. Ситуация в Большом – непредсказуема. Вот уже который год театр лихорадит от бесконечной смены руководства. И каждая «метла» метет по-новому – выдвигает своих протеже и делает на них ставку. Чтобы добиться новой роли или сохранить старую, требуется колоссальное количество сил и нервов. На творчество уже ничего не остается.

Молодые и талантливые артисты старались получить контракты за рубежом и уехать. Так они могли быть уверены, что хотя бы несколько лет проживут в творческой стабильности. Здесь уже уверенность – нулевая. С артистом в любой

момент могут расторгнуть контракт, и он останется не у дел.

Инга вспомнила о своем отце, и у нее сжалось сердце. Когда знаменитого танцовщика вынудили уйти из Большого, для него все рухнуло. В один момент. Еще вчера он был королем и богом балета, а сегодня – уже никто.

Инга была в школе, когда это случилось. Девочка пришла домой и увидела отца. Он стоял у окна и смотрел на улицу. Инге захотелось окликнуть его, но в позе отца было что-то такое, отчего ей сразу стало тревожно.

Она подошла ближе, тихо позвала:

– Пап! А, пап...

– Что? – сказал он хриплым голосом, резко повернувшись к ней.

Был март. Но отец почему-то стоял дома в шапке и в куртке. Только снял ботинки. Он словно зашел домой на минутку, а потом снова готов был куда-то мчаться по своим делам. Сколько она помнила отца, он весь был – порыв, движение. Он никогда не сидел без дела и не тратил время зря. Много раз он говорил Инге, что самое дорогое у человека – это время, и тратить его надо с толком. А сейчас отец стоял у окна просто так и смотрел на улицу. Но даже не это поразило Ингу, а его взгляд. У него был тусклый, безжизненный взгляд. Отец вдруг словно постарел на десять лет.

– Пап! – Она тронула его за руку. – Ты пришел пораньше? Репетицию отменили?

– Да, отменили. – Он задумался, а потом добавил: – На-

всегда.

– Как это?

– Так. Я больше не танцую в Большом.

– Почему?

– Потому что я стал там ненужным.

– Ненужным?

– Да. Я стал старым и никому не нужным.

– Ты? Старым?

Разве ее отец мог когда-нибудь стать старым? Он был моложе всех юношей! Лучезарный Альберт из «Жизели», сказочный принц балета... Когда Инга читала в сказках о принцах, она всегда сразу представляла себе отца. Он высокий, златоволосый, красивый. Настоящий принц!

Инга невольно рассмеялась.

– Ты чего? – нахмурил брови отец.

– Разве ты – старый?

– Да.

– Так ты больше не танцуешь?

– Нет.

– А завтра?

– Я же говорю: никогда.

– Значит, ты уже вообще не будешь танцевать?

Лицо отца исказилось.

– Нет, я не могу не танцевать! – почти выкрикнул он. – Не могу! Я еще ничего не знаю. Я буду танцевать, обязательно. Я не могу не танцевать. Когда-нибудь ты поймешь мои слова.

Отец присел на корточки и взял ее руки в свои.

– Понимаешь, Инга... Это очень, очень больно, когда творчество, которому ты отдал всю свою жизнь, оказывается ненужным. Это – невыносимо! Я даже не знаю, как буду жить дальше. Не представляю себе. Сидеть с пенсионерами на лавочке? Смешно! Дома у телевизора?

Отец истерично рассмеялся. Потом тихо добавил:

– Меня лишили самого дорогого.

Он встал с корточек и привлек Ингу к себе. Они сели на диван.

– Я с детства мечтал танцевать. В Риге, где я родился, всегда любили музыку, танцы. До сих пор помню, как мы с мамой ходили в парк и слушали национальный оркестр. Это было так красиво. Пам-пам-пам-пам... – напел отец. – Малыш, мне сейчас так плохо. Ты даже и не представляешь.

Он замолчал, уставившись прямо перед собой в одну точку.

– Пап! Пап! – потянула его за рукав Инга.

Но он не откликнулся, погружившись в свои мысли.

Инга вспомнила тот день, и ей стало страшно.

Ее отца мгновенно вышвырнули из Большого. То же самое может случиться и с ней. В любой момент...

Она наскоро позавтракала, оделась. И поехала в Большой на репетицию.

В зале уже занималась Леночка Макарова. Все знали, что

она обычно была в курсе последних сплетен и новостей, которые циркулировали по театру. Леночка – у нее русые волосы мышинового оттенка и острые черты лица – была посредственной балериной, но очень услужливой перед начальством. И это помогало ей сохранять свой репертуар при всех перестановках и реформах.

Инга кивнула ей, здороваясь.

– Инга! – Леночка бросилась к ней. – Ты знаешь последнюю новость?

– Большой ликвидировали? – попыталась отшутиться Инга.

– Нет. С театром пока все в порядке. Новость насчет тебя.

– А что такое? – Инга старалась ничем не выдать своего волнения.

– Говорят, «Семирамиду» закроют.

Инга почувствовала болезненный укол в сердце. В Большом шло всего два спектакля с ее участием. Один из них – «Семирамида». Неужели у нее отнимут его?

Невольно Инга вспомнила начало своей работы в Большом театре. Ей долго не давали танцевать главные партии. Приходилось браться за любую, даже не очень значительную роль. Она исполняла характерные танцы в операх «Кармен», «Иван Сусанин», «Князь Игорь», «Травиата». В балетах ей тоже выпадали второстепенные роли. Но она была рада и этому. И к каждому номеру готовилась с полной самоотдачей. Но внутри все время росло недовольство. Хотелось больше-

го – танцевать главные роли. И только спустя несколько лет ей дали балеты «Весенний ручей» и «Семирамиду».

– Это слухи.

– Так ты слышала? – И Леночка жадно впилась в нее взглядом.

– Нет.

– А у меня точная информация.

– Откуда?

– Как говорят журналисты, «из конфиденциальных источников».

– Меня пока в известность не ставили.

– Ты что, не знаешь, как у нас делают? Поставят перед фактом. И все.

– Посмотрим, – уклончиво обронила Инга.

– И ты собираешься оставить все как есть?

– А что я могу сделать?

– Пойти к руководству и отстоять спектакль. Сказать, что они не имеют права так обращаться с дочерью великого артиста. Если это не поможет, написать письмо в Министерство культуры. Или в думский комитет.

– Мой отец здесь ни при чем! – резко сказала Инга. – Я не буду прикрываться его именем.

– Почему?

По тому, как посмотрела на нее Леночка, Инга все поняла. Та просто провоцировала ее на скандал. Если Инга поддастся на уговоры, то по театру пойдет слух, что Инга Мар-

тинсоне собирается писать в Министерство культуры или в Думу. Возникнет конфликт... А ведь и без того Большой постоянно лихорадит. Не хватало еще одного скандала.

– Я ничего не буду делать.

– Но ведь отнимут же!

– Это касается только меня. Извини, я пришла репетировать.

Леночка удалилась разочарованная.

Про себя Инга усмехнулась. Никто же не гарантировал, что Леночка не является стукачкой. Отец в свое время много рассказывал дочке о стукачах из КГБ, которые были приставлены во времена застоя к каждому крупному артисту и персонально «пасли» их. Но и сейчас эта система никуда не делась. Только стала еще более изощренной. Артисты «стучат» начальству друг на друга с целью выбить себе новые роли. Надеются, что таким образом их старания будут оценены и замечены. Нельзя высказывать критику в адрес руководства – слова недовольства сразу доходят до начальства. Поэтому Инга старалась общаться со всеми нейтрально-вежливо. Если ее пытались вызвать на откровенность, она старательно избегала этого, стараясь, чтобы ее имя не было связано с очередным конфликтом или сплетней.

Ну уж нет! Даже если Макарова сказала правду, Инга Мартинсоне не будет унижаться и ходить по инстанциям. Просто бесполезно. Она ввяжется в бесперспективную войну, из которой выйдет проигравшей.

Когда она уже уходила с репетиции, к ней снова подлетела Макарова.

– А правда, что ты будешь выступать в театре? В драматическом?

Инга поморщилась. Ну везде свои уши!

– Это слухи. Такие же, как и закрытие моего спектакля.

Выйдя из Большого, она позвонила на сотовый Алексею Трофимову, режиссеру и сценаристу, который ставил драматический спектакль с ее участием. Хотела подтвердить время репетиции. Трофимов откликнулся мгновенно. Пророкотал в трубку:

– Инга, жду!

Балерина забежала домой, наскоро перекусила, переоделась. И пулей вылетела на лестницу.

Инга не знала, что через какое-то время дверь открылась. И кто-то зашел в ее квартиру...

Глава вторая

Алексей Трофимов был известным телеведущим. Он вел программу «Вечернее randevу», которая имела хороший рейтинг и была популярной.

Они столкнулись на фуршете по случаю премьеры одного спектакля. Инга стояла в кругу своих близких – брата и его жены, когда увидела перед собой высокого полного человека с кудрявыми волосами почти до плеч. Из-под очков блестели внимательные глаза.

– Простите, можно вас на минуту? – обратился мужчине к балерине.

Она отошла с ним в сторону.

– В чем дело? – Инга стояла с бокалом вина. Через руку был перекинут длинный серебристый шарф.

– Я Алексей Трофимов. Я хотел бы взять у вас интервью. Моя программа называется «Вечернее randevу». Я беру интервью у разных деятелей культуры или просто заметных персон.

– А... Оставьте ваши координаты.

Он протянул ей визитку.

– Домашний телефон написан внизу. Мне можно звонить до двенадцати.

– Я улетаю на гастроли. Приеду через неделю. Посмотрю свое расписание и перезвоню вам.

– Хорошо. – Трофимов откланялся и отошел от нее.

Интервью состоялось через две недели после разговора. После беседы Трофимов пригласил Ингу на чашку кофе в буфет. Она согласилась. И там, во время обмена дежурными светскими фразами, Трофимов неожиданно выпалил:

– Я сочинил пьесу. И мне хочется, чтобы вы сыграли в ней главную роль.

Инге показалось, что она ослышалась. Собеседник повторил свое предложение.

– Я же не драматическая актриса. Я балерина, – удивилась Инга.

– Но ваш танец настолько выразителен... Вот начнете репетировать, и у вас все получится. Увидите! Вы – настоящая актриса!

Он говорил с таким жаром, что невольно смутился.

Инга подумала: отказаться она всегда успеет, так почему бы не попробовать себя в новом качестве?

– О чем пьеса?

Трофимов воспринял ее слова как добрый знак. Пояснил:

– Сцены из жизни Марии-Антуанетты.

– Интересно.

– Да. Тема захватила меня. В ней столько тонких психологических моментов! Очень лиричная пьеса получилась.

– Любопытно. Но я ничего не обещаю, – предостерегла собеседника Инга.

– Вы согласитесь, – настойчиво сказал Трофимов.

Его убежденность и энергия захватили Ингу.

Ей пришла в голову мысль, что будет очень интересно и увлекательно сыграть настоящую драматическую роль. Инга несколько раз снималась в кино. Но то были проходные, второстепенные роли. В основном она играла балерин. А здесь нечто новое – Мария-Антуанетта!

Получив текст пьесы, Инга неожиданно увлеклась. Она поймала себя на том, что ходит по комнате и читает некоторые куски вслух.

На другой день ей позвонил Трофимов.

– Ну как? – сразу спросил он.

– Мне нравится.

– Это самое главное.

– Но нужны еще актеры.

– Я уже нашел их.

– А театр? Где вы будете ставить пьесу? – Инга поняла, что Трофимов от своего не отступится.

– Я уже договорился с театром «Антик». Главреж согласен. Через неделю – первая репетиция.

– Как? Уже?

– А зачем откладывать?

И Инга начала репетировать. Пьеса захватила ее. Сегодня была шестая репетиция.

Когда она подъехала к театру, Трофимов уже ждал ее.

– Вы, как всегда, пунктуальны, Инга!

– Никогда не любила опаздывать.

– Большая редкость среди творческих людей, – развел руками Трофимов. – Однажды ко мне на программу известная актриса, не буду называть ее имени, опоздала на полчаса. Хорошо, что в коридорах студии я заловил «замену»: популярного певца. А так все, был бы полный каюк.

– Сколько еще репетиций?

– Скоро генеральная. А там – премьера.

Ингу охватило волнение.

– Вдруг не получится?

Трофимов крепко сжал ее руку.

– Выкиньте подобные мысли из головы. Все будет хорошо.

Идемте в зал.

Партнер Инги, профессиональный актер, старательно подавал ей реплики. В какой-то момент Инга забыла, что играет в спектакле, и – залепила ему настоящую пощечину. Какая должна быть по ходу развития сюжета.

– Извините! – спохватилась она.

Трофимов зааплодировал.

– Отлично, Инга! Я просто любовался вами. Игра – безукоризненная.

– Спасибо.

Щеки Инги горели от только что пережитых по роли эмоций.

– На сегодня все, – хлопнул в ладоши Трофимов. – О дате следующей репетиции я всем позвоню, сообщу. Инга, вы уже уходите?

– Да.

– А я хотел пригласить вас в буфет. На чашку кофе.

– Не могу. У меня еще есть дела.

Трофимов молчал и пристально смотрел на нее. В его глазах блеснул огонек мужского внимания. Инга слегка передернула плечами, как бы освобождаясь от назойливого взгляда.

– Ну ладно, – снова заговорил режиссер. – Как дела в Большом? Говорят, скоро опять сменят руководство?

Кто только не задавал Инге этот вопрос! Друзья, знакомые, знакомые знакомых, консьержки, зрители, которые брали автографы... Как будто бы именно балерина руководила Большим и рулила ситуацией изнутри.

– Не имею понятия, – дернула она плечом. Вспомнила, как сегодня Леночка Макарова говорила о слухах по поводу спектакля «Семирамида», и нахмурилась.

– Ну у вас-то все должно быть нормально. Дочь такого артиста...

– Да, нормально.

Голос Инги прозвучал довольно резко, и Трофимов с удивлением посмотрел на нее.

– Я сказал что-то не так?

– Все так. Просто сегодня я устала. С утра была репетиция в Большом, потом здесь. И впереди тоже дела. До свидания.

– До встречи, Инга. – Трофимов поднял руку в знак прощания. – Вас проводить?

– Не надо. Извините, я тороплюсь.

Инга выпорхнула на улицу. Солнце пригревало уже по-весеннему. Балерина прищурилась от яркого света и подумала, что нужно носить с собой темные очки. К тому же ей показалось, что высокая женщина, которая проходила мимо, узнала ее – остановилась и пристально посмотрела на актрису.

Инга наклонила голову и нырнула в машину. Назойливое внимание всегда раздражало ее.

В машине она перевела дух и, чтобы успокоиться, включила негромкую приятную музыку. Ей предстоял тяжелый неприятный разговор со старой подругой, которую она знала с незапамятных времен.

Катя позвонила ей и попросила срочно встретиться. Инга извинилась и сказала, что с утра у нее репетиция в Большом, а потом в «Антике». Только около четырех она освободится и может зайти к подруге.

– Нет! – В голосе Кати звучала истерика. – Не надо ко мне! Я сама приду к тебе.

– Что-то случилось?

– Да! Да! Да!

– Ладно, ты мне пока ничего не рассказывай. Я приеду, и мы все обсудим на месте.

Инга считала, что судьба обошлась с Катей жестоко. Катя обещала стать прекрасной балериной. Тонкой, лиричной, с хорошей техникой. Но за три месяца до выпуска она сломала

ногу, и с балетом девушке пришлось расстаться навсегда. Катя тогда так переживала! Даже готова была покончить жизнь самоубийством. Близкие и родные опасались за ее рассудок. Инга успокаивала подругу как могла. Однако сама прекрасно понимала, что все слова бессильны перед отчаянием человека, который должен проститься со своей мечтой. Говорят, что время лечит. Но как объяснить это девушке, которая не знает, как ей жить дальше, и стоит ли жить вообще?

Катя замкнулась в себе и порвала со всеми своими подругами. На несколько лет она выпала из поля зрения.

И вот однажды Инге позвонила знакомая, Рита Скогликова, и сказала, что видела Катю на вернисаже в галерее «Семь слонов». Та стала художницей и выставляла там свои работы. Инга обрадовалась.

– У тебя есть ее телефон?

– Катин? Нет. А ты звонила ее родителям?

– Неоднократно. Но они не хотят со мной разговаривать о ней. К тому же Катя ушла из родительской квартиры и живет в другом месте. Где именно, они не говорят.

– Тогда ничем помочь не могу.

– А телефон галереи у тебя есть?

– Есть. Дать тебе?

– Давай. Подожди минутку, я запишу...

Инга записала телефон в блокнот и попрощалась с Ритой.

Потом она позвонила в галерею, и там ей сказали, что Екатерина Новосельцева является постоянным автором галереи,

но дать телефон без разрешения художницы не могут.

– Если вы оставите свои координаты, их передадут Новосельцевой. И она свяжется с вами. Если захочет.

Инга назвала себя. На том конце провода возникло молчание.

– Екатерина Владимировна скоро будет, – снова заговорила сотрудница галереи. – Я обязательно скажу ей о вашем звонке.

Через час на квартиру Инги позвонила Катя.

– Инга! Я так рада, что ты меня нашла. Как ты?

– Нормально.

– У меня тоже все хорошо. Может, встретимся? Поболтаем.

– С удовольствием.

– Ты сейчас свободна?

– Да.

– Приезжай в галерею. Заодно увидишь мои работы.

– Отлично. Где она находится?

– Недалеко от «Маяковской».

Катя продиктовала адрес.

– Через полчаса я буду там.

– Я встречу тебя у входа.

Катя сильно изменилась. В первое мгновение Инга подругу даже не узнала. Пепельно-русые волосы Катя выкрасила в черный цвет, глаза обвела стрелками и густо накрашила тушью ресницы. На губах была яркая помада. Эффектная мо-

лодая женщина. А когда-то Катя была застенчивой прелестной девушкой.

– Инга, ты ничуть не изменилась. – Катя обняла подругу и расцеловала. – Пошли в галерею, покажу тебе свои работы. Я теперь художница.

– Здорово!

Но картины Кати Инге не понравились. Они были написаны в резкой манере. Лица людей темные, как у негров. Пейзажи – слишком мрачные. А город изображался в виде нагромождения труб и красных вспученных линий.

– Ну как? – Катя жадно смотрела на нее.

– Ничего. Ты давно рисуешь?

Катя тряхнула волосами и рассмеялась. Но смех был натянутым.

– Да я и не рисую, а так, балуюсь. Но отзывы критиков неплохие. Говорят, я пишу как профессиональный художник. А что в твоей жизни нового?

– Все по-старому, – попыталась отшутиться Инга. – Танцую.

– У тебя главная роль в «Семирамиде». Я так мечтала танцевать эту партию... – тихо сказала Катя.

– Но ты нашла новое призвание, – громко возразила Инга. – Быть художником это же замечательно!

– А мне все равно по ночам снятся наше училище, балет, наши репетиции... Я думала, что со временем я успокоюсь. Но нет. Не проходит.

Инга молчала.

– И от этого становится так тоскливо. Мне дважды снилось, будто я танцую на сцене, делаю пируэт и лечу... лечу над сценой. И в тот момент просыпалась. А подушка – от слез мокрая.

– Не надо, Катюш. Не растравливай себя.

– Да, конечно... Как Андрей?

– Он женился. У него родилась дочка.

– Молодец! Мне он когда-то нравился. А как твоя личная жизнь? Ты же была замужем за Дмитрием Млечиным.

– Была... – эхом откликнулась Инга.

Дмитрий Млечин был известным музыкантом-альтистом. Со стороны они были красивой парой, и для многих их развод явился громом среди ясного неба. Для многих... Но не для них. Просто в один прекрасный момент они посмотрели друг на друга и поняли: чувства ушли. А довольствоваться дружбой – не захотели. Развод был настолько естественен и логичен, что не вызвал болезненной реакции ни у Инги, ни у Дмитрия. Они расстались друзьями, но с годами общались все реже и реже.

Разговора не получалось. Катя была чужой и далекой. Милая Катюша стояла рядом с черными волосами и яркими губами, и Инга, как ни старалась, не могла признать в этой молодой женщине прежнюю подругу.

– Как ты меня нашла?

– Позвонила Рита и сказала, что видела твои работы в га-

лерее. Мне захотелось встретиться с тобой, вот и позвонила в галерею. Остальное ты знаешь.

– Я так рада тебе! – Катя внезапно обняла Ингу и заплакала.

– Катя, не надо. – Инга погладила подругу по волосам. – Все будет хорошо, – успокаивала она ее, как маленькую девочку. – У тебя новое призвание – живопись. Балет остался в прошлом. А жить надо настоящим.

Инга старалась говорить убедительно. Но Катя подняла на нее зареванное лицо и сказала.

– Поешь как Петушок – золотой гребешок?

Эта фраза была из той, прежней, жизни. И подруги рассмеялись.

Лед отчуждения был сломан. Как будто несколько слов явились тем мостиком, который соединил прошлое и настоящее.

– Поехали ко мне? – предложила Инга.

– Поехали.

Они проговорили весь вечер. Подруга осталась у нее на ночь. Катя уснула, а Инга сидела на кухне и думала, что бедная, несчастная Катя так и не поняла главного: жизнь заново не перепишешь и не переделаешь. Как это ни печально. С жизнью не поспоришь. Часто она расставляет такие ловушки, из которых выбраться очень сложно.

С тех пор их общение не прерывалось. Шесть лет назад Катя вышла замуж за модного художника. Он был беспро-

будным гулякой. Как он в перерывах между своими похождениями умудрялся писать картины, для Инги было загадкой. Катя родила дочку. Рисовать стала меньше, посвятив себя семье. Однако чувствовала себя бесконечно несчастной. Катя пыталась привести мужа в чувство, но это было бесполезным делом. Он не обращал на Катину упрёки никакого внимания. Наоборот, чем больше она закатывала ему истерику, тем больше он ходил налево. Как будто бы Катины скандалы пробуждали в нем мужскую силу.

Четыре года назад Катя купила квартиру в доме, где жила Инга, чтобы быть поближе к подруге. Для этого ей пришлось продать хорошую квартиру родителей в мидовском доме и приплюсовать двухкомнатную мужа в старой хрущевке.

И вот сегодня Катя срочно вызывала Ингу. Судя по тону подруги, случилось нечто из ряда вон выходящее.

Только Инга переступила порог своей квартиры, раздался звонок в дверь. Пришла Катя, с порога заявившая:

– Просто не могла тебя дождаться!

– Что такое?

– Я застучала Женьку с бабой у нас дома. Представляешь, он уже ничего не стесняется. На меня ему наплевать, но подумал бы хоть о ребенке! Правда, на дочку ему тоже плевать. Он вообще – человек конченный! – говоря, Катя все больше и больше возбуждалась.

– Он как-то все это объяснил?

– А чего там объяснять? – махнула рукой Катя. – И так все ясно. Ну уже все границы переходит! Я вхожу в комнату, приехала пораньше из поликлиники, а они в спальне кувыркаются... – Катя закусила губу. – Что делать?

– А что ты думаешь?

– Я хочу подать на развод.

Они стояли в коридоре.

– Катя, ты, главное, успокойся. Не делай ничего сгоряча. Подумай о Нине. Девочке нужен отец.

– Отец. Но не кобель.

– Нину он любит?

– Любит, – нехотя признала Катя. – Ну а я что? Должна терпеть все его штучки?

– Ты же понимаешь, что взрослого человека не переделаешь. Смирись с его поведением.

– Нет!

– Кать, ты как ребенок, честное слово. Ты же знала, за кого выходила замуж. Неужели думала, что он – изменится?

– Ну да.

– Смешно.

– Слушай! – перебила ее Катя. – Разве у тебя так никогда не было? Ну, что ты умираешь по мужику и не можешь его ни с кем делить. Сама мысль, что он с другой женщиной, приводит тебя в ярость. Хочется всех задушить и убить.

Инга помолчала, а потом спокойно ответила:

– Нет, не было.

– Ну ты... и правда... как Снежная королева.

Таким было прозвище Инги со времен балетного училища.

– Прекрати!

– Извини!

Катя подошла и крепко обняла подругу.

– Ингуля, я такая свинья! Лезу к тебе со своими проблемами. Но у меня больше никого нет. Родители умерли. Родственников – нет. Ты у меня – одна.

Инга не могла долго сердиться.

– Ладно. Чай будешь?

– А с чем?

– У меня есть торт. В холодильнике.

– Буду.

– Пошли в комнату. Поедим там.

Они сели за круглый стол, инкрустированный ценными породами дерева. Катя подвинула к себе чашку поближе. А потом пересела на диван.

– Что-то мне душно. Наверное, давление от вечной нервозности. Можно я приоткрою окно?

– Конечно!

Открыв окно, Катя подошла к зеркалу.

– Что тут за листы? – Катя взяла их в руки. – Какая-то реклама.

– А... – Инга вспомнила. – Понимаешь, один человек предлагает мне сняться в рекламе. Генеральный директор

российского филиала фабрики «Нестлана».

– Ты же никогда не снималась в рекламе.

– Я и сейчас не дала окончательного согласия. Но он так уговаривал...

– Молодой мужчина?

– Не старый.

– Симпатичный?

– Это, как говорится, к делу не относится. Его внешние данные никак не повлияют на мое решение.

– И что ты надумала?

– Скорее всего, ответ будет отрицательным.

– Много бабок предложил?

Инга рассмеялась.

– Финансовый вопрос мы еще даже не обговаривали.

– Ну и ну! Хорош бизнесмен, даже вопрос об оплате не поднял.

– Ему было важно получить мое принципиальное согласие.

– Может быть, он в тебя влюбился?

– Нет. Я бы почувствовала.

Катя что-то хотела сказать, но промолчала.

Инга повела плечами.

– Ты знаешь, мне один случай не дает покоя. До сих пор.

– Какой?

– Недавно меня преследовала одна машина.

– Как преследовала?

– Ехала за мной. След в след.

– И что? Кто был за рулем?

– Рассмотреть было невозможно: стекла тонированные.

Я так перепугалась.

– Еще бы! Какой-нибудь чокнутый увязался. А почему ты мне не сказала об этом инциденте?

– Я постаралась поскорее забыть о нем. А сейчас – вспомнила.

– С чего бы?

– Так. Не знаю почему.

– Гони эти мысли прочь!

– Постараюсь, – задумчиво кивнула Инга. – Но не знаю: получится ли...

После ухода Кати Инга забралась с ногами на диван и закрыла глаза. День получился тяжелым. С утра репетиция в Большом. Потом – в драматическом театре. Приход Кати... Нервы были на пределе. Она подумала о Большом. Неужели спектакль «Семирамида» закроют? У нее останется один балет – «Весенний ручей». А если отнимут и его?

Тогда она останется не у дел. Это самое ужасное, что может случиться с творческим человеком. Тот момент, когда тебя все забывают, становится самым горьким и трудным в жизни. Еще вчера ты был на пике популярности, а сегодня – все! Вышел в тираж...

Век артистов балета в искусстве обычно не долог. Плюс

частые травмы, от которых никто не застрахован. И тогда даже самая блистательная карьера может потерпеть крах. Так было с ее братом. Великолепный артист, танцевавший на лучших площадках мира, после тяжелой травмы колена, он вынужден был уйти из балета.

Все близкие и родные переживали за него, боялись, что он не выдержит, сломается. Но Андрей нашел себя в новой роли, став талантливым организатором, продюсером балетных спектаклей и режиссером-постановщиком концертных номеров.

Андрей... Инга с братом всю жизнь были неразлучны. Он всегда был рядом. Они делились друг с другом самым сокровенным. До тех пор, пока Андрей не женился. Нет, брат по-прежнему был рядом. Помогал ей советами. Она могла поговорить с ним о своих проблемах. Но в последнее время такое случалось все реже и реже. Инга инстинктивно чувствовала, что у Андрея другая жизнь, в которой сестре нет места.

Инга болезненно переживала это. Но все было внутри. А внешне – никто не мог бы догадаться, о чем она думает и что чувствует. Недаром же она и получила прозвище Снежная королева.

Инга поднялась с дивана и взяла листы рекламного проекта. Просмотрела их. Зачем? Что ей это даст?

Она подумала, что нехорошо заставлять человека надеяться напрасно. Она может сорвать ему раскрутку нового бренда. У него четкий план, график. Ей нужно только под-

нять трубку, набрать номер и сказать, что она отказывается. Пусть господин Бракшните найдет себе другую артистку. Она, конечно, извинится, чтобы подсластить пилюлю отказа, но никто и ничто не заставит ее переменить свое решение. Завтра же она позвонит и скажет об этом.

Инга решила соединиться с Андреем, отметив про себя, что в последнее время она чаще звонит брату, чем тот ей.

По сотовому Андрей не отвечал. Она набрала домашний номер.

Трубку взяла жена Андрея Ольга.

– Оля, это Инга. Андрей дома?

– Дома.

Тут же Андрей взял у жены трубку.

– Инга, привет!

– Привет!

Инга вспомнила о Лене Макаровой и ее слова о закрытии балета. Но решила пока не рассказывать неприятную новость. Может, просто слухи, и она зря поднимает панику?

– Я хотела с тобой поговорить о... – Инга запнулась. – Валдисе Бракшните.

– А что?

– Ты же знаешь: я не снимаюсь в рекламе.

– Ну и что? Можно же попробовать в жизни что-то новенькое.

Все советовали ей измениться и решали за нее. А сама она словно не имела права голоса, была безмолвным статистом.

– Реклама не тот способ, которым я могу утвердить себя в творчестве. – Ее голос прозвучал более ядовито, чем обычно.

– Да брось, Инга! Реклама – тоже искусство. Между прочим, даже такой мастер, как Феллини, делал рекламные ролики спагетти.

– Спасибо за информацию.

– Подумай, Инга! Валдис – отличный парень. Он учтет все твои пожелания.

– Этот вопрос я решу сама.

– Мой тебе совет: соглашайся!

– До свидания.

Инга повесила трубку, села под портретом отца и мысленно обратилась к нему.

«Папа! Так случилось, что мне не с кем посоветоваться. А ты мне сейчас очень нужен. Как никогда. Конечно, ты нужен мне всегда, но сейчас особенно. Я стою на перепутье. И не знаю, как мне поступить. Всю жизнь я была уверена, что буду танцевать. До того момента, когда я пойму, что надо уходить. Но получается не так, как я думала. Жизнь предлагает новые возможности, и я не знаю, как поступить. Пробую себя как драматическая актриса. А еще мне предлагают сняться в рекламе. Но что мне это даст? Соглашаться или нет?»

Она подняла голову и посмотрела на портрет отца. Ей показалось, что тот смотрел на нее с грустью.

Отец, всю свою жизнь посвятивший танцу, для которого танец был настоящим священнодействием, осудил бы ее за появление в рекламном ролике. Она не может предавать отца. Она – наследница его фамилии. Андрей уже сошел с дистанции, но не по своей воле. Травма... Значит, ее судьба – продолжать семейное дело.

Инга глубоко вздохнула.

Она сделала свой выбор.

Валдис сидел в кабинете и смотрел пустым взглядом на бумаги, разложенные перед ним. Рабочий день давно закончился, но он не спешил покинуть свое рабочее место. Однако мысли его были далеки от лежавших перед ним бумаг.

Обычно работа захватывала Валдиса целиком. Он любил работать. Это было его любимым делом, только так он мог приложить свои способности и умение.

Генеральным директором российского филиала фабрики «Нестлана» он стал недавно. Ему было важно утвердить себя в новом качестве, показать с лучшей стороны. А для этого важно было начать новое дело с громкой рекламной акцией. И Валдис решил привлечь целый ряд популярных деятелей искусства из разных областей.

Рекламными роликами с участием телеведущих, актеров кино и театра удивить было трудно. Они часто рекламиро-

вали стиральные порошки, средства для мытья посуды, жевательные резинки, одежду и обувь. Актеры старшего поколения рекламировали препараты, связанные со здоровьем – таблетки от головной боли, магнитные браслеты, чудо-витамины и тонизирующие средства. Один популярный певец взялся рекламировать чай. Звонким голосом он распевал рекламные стишки и, улыбаясь, предлагал попробовать «ароматный чай – усладу души».

Все это уже приелось.

Незадолго до приезда в Москву Валдис смотрел телевизор и, переключая каналы, наткнулся на балет с участием Инги Мартинсоне. Балерина мгновенно заморозила его. Дивная пластика по-лебединому гибких рук, гордая посадка головы, лицо, как у античных богинь, притягивающий взгляд зеленых глаз – все в ней было пленительно-волшебным, сказочным. Балерина казалась существом из другого мира.

И на какую-то долю секунды Валдис вдруг представил, как она танцует в рекламном ролике...

Она была для него принцессой из детской сказки. Реклама с ее участием сразу перенесет всех в волшебную страну детства. Шоколад будет ассоциироваться с чем-то приятным и сказочным.

Валдис взял и написал крупными буквами на листе блокнота: ИНГА. РЕКЛАМА.

А потом без остановок:

ИНГА. ИНГА. ИНГА...

Глава третья

Утро обещало быть по-весеннему свежим и ярким. Снег стремительно таял. И с каждым днем его становилось все меньше и меньше. Сугробы оседали и растапливались под солнечными лучами, как пена в кофе «капучино».

Инга проснулась рано. В пять часов. Попробовала было снова заснуть, но не получилось. Тогда она решила не терять времени зря, а еще раз повторить роль Марии-Антуанетты.

К роли Марии-Антуанетты она подготовилась основательно. Инга вспомнила своего отца, его глубочайшее проникновение в каждую роль и подумала, что ей нужно поступить точно так же. Она не только внимательно прочитала пьесу, но и просмотрела множество исторических материалов.

Это был совершенно новый опыт. Танец – одно, а драматический театр – совсем другое. По совету Трофимова Инга взяла несколько уроков актерского мастерства у старейшего актера Вахтанговского театра Николая Семенова, который научил ее владеть голосом – он у нее был от природы высоким – и пользоваться его возможностями. Объяснил, как понижать тембр, как говорить со сцены, чтобы и зрители, сидящие на задних рядах, могли слышать ее речь.

Сейчас Инга повторила роль, позавтракала и, заглянув в органайзер, поняла, что уже пора ехать на съемку к фотографу.

Она тщательно накрутилась и вышла из дома, посмотрев на часы.

У входа ее перехватила консьержка.

– Инга, вот вам тут передали с курьером...

Она протянула Инге огромный букет белых роз, перехваченных серебристой ленточкой.

Инга взяла цветы. Они были свежими, словно только что срезанными. На лепестках блестели капельки воды. Как утренняя роса.

Она поднялась обратно в квартиру. И только положив букет на столик в кухне, увидела маленькую карточку, прикрепленную к одному из цветов.

«Инге от Валдиса Бракшните» – значилось на ней.

Она отложила карточку в сторону и пошла в комнату. Из буфета Инга достала большую красивую вазу богемского стекла и налила воды. Поставила в нее розы. От цветов шел слабый, но необыкновенно приятный запах. Она вдохнула его и закрыла глаза.

Белые розы – ее любимые цветы. Она обожала их. Как Бракшните узнал об этом? Или тут просто совпадение?

Времени не было. Инга быстрым шагом спустилась по лестнице и вышла на улицу. В машине посмотрела адрес – ехать примерно сорок минут, если не будет пробок.

Она была уже в пути, когда зазвонил сотовый.

– Алло!

– Это Валдис Бракшните. Вы получили цветы?

– Спасибо. – Инга старалась быть приветливой. Но не более того. Нужно дать мужчине понять, что ничто не заставит ее изменить решение. – Чудесные цветы.

– Я очень рад.

Возникла пауза.

Голос у собеседника был неуверенным, словно он не знал, правильно ли делает, что звонит ей.

– Как ваши дела? – задала вежливый вопрос Инга.

– Как всегда. Я жду, когда начнется наша работа.

Слова «наша работа» резанули слух Инги. Она отчетливо поняла, куда клонит Валдис Браکشните.

– Извините, Валдис, но я не буду сниматься в рекламе.

– Почему?

Инга невольно ощутила досаду. Разве она должна объяснять причины своего отказа?

– У меня есть причины.

– Мы еще не обсудили с вами финансовый вопрос...

– Деньги здесь совершенно ни при чем, – перебила Инга.

Снова возникла пауза.

– Подумайте, пожалуйста, Инга! Мы могли бы с вами встретиться и все обсудить!

Эти слова вырвались у мужчины как бы помимо его желания. Устыдившись своего порыва, он замолчал.

– Думаю, продолжать разговор на данную тему бесполезно. Еще раз спасибо за цветы.

Инга нажала на кнопку отбоя.

Вот ведь как упорствует! Неужли она дала ему какую-то надежду? Но он совершенно зря теряет время, ему нужно обратиться к кому-нибудь другому. Инга не будет сниматься ни в каком рекламном ролике. Ни за что!

Как она ни старалась, все равно опоздала – фотограф уже ждал ее. Молодой человек лет двадцати пяти, худой, как щепка, с длинными волосами до плеч, в бесформенном светло-сером свитере и потертых джинсах. Его ноги напоминали ходули. Да и вообще парень был похож на Буратино, которого наспех выстругали из полена.

Но впечатление было обманчивым. Присмотревшись, Инга поняла, что свитер у него от «Лакоста», джинсы – «Дольче энд Габбана». Кожаные ботинки тоже куплены не на рынке и тянут на несколько сотен долларов.

– Здравствуйте, Инга! – встретил ее фотограф у входа в студию.

Ей нужно было сделать серию хороших фотографий для рекламного буклета, посвященного спектаклю «Сны Марии-Антуанетты». На этом настаивал Трофимов.

Когда Инга просматривала свои старые фотографии, она поняла, что ни одна из них не подходит. Хотелось чего-то новенького. Она связалась с Андреем, и брат посоветовал ей модного фотографа Сергея Клепихо. Он работал со звездами и брал дорого, но слыл крепким профессионалом, сниматься у него было престижно.

– Добрый день. Я не опоздала?

– Немного.

Голос у фотографа был высоким.

– Сергей Клепихо, – представился парень. – У меня время рассчитано по часам. Придется немного сократить съемку.

Да, наверное, у фотографа время чуть ли не в буквальном смысле золотое. Инга же часто влипала в неприятные ситуации с журналистами, например, вместо обычного запланированного интервью беседа растягивалась надолго, и все другие планы балерины срывались. Так, примерно год назад вместо получасового интервью ей пришлось выдерживать натиск бойкого журналиста в течение двух часов. Только Инга собиралась закруглить разговор, как он снова подкидывал ей вопросы. Один за другим. И все равно журналист остался недоволен. В интервью он упомянул о «высокомерной Инге Мартинсоне», которая нехотя отвечала на его вопросы и вела себя крайне заносчиво. Инга возмутилась и потребовала опровержения. Но не получила его, потому что журналист уволился и перешел работать на телевидение. Она еще раз столкнулась с ним на записи программы «Разговор со звездой», где он задал ей ядовитый вопрос: «Помогает ли вам по жизни фамилия отца?»

Этот вопрос стоял ей поперек горла. Кто только не задавал его! И журналисты, и знакомые, и зрители, просившие автографы...

Воспоминание о неприятном типе на какие-то доли секун-

ды выбило Ингу из колеи.

– Ну что, приступаем? – вернул ее к действительности фотограф.

Инга стояла посередине фотостудии.

– Для чего вы хотите сделать снимки? – последовал новый вопрос Сергея Клепихо.

– Для рекламного буклета спектакля.

– Балетного?

– Нет. Я репетирую драматический спектакль «Сны Марии-Антуанетты».

– Где?

– В театре «Антик».

Фотограф сложил губы трубочкой, как будто хотел свистнуть, но передумал.

– Здорово! И чего вас потянуло в драму?

– Решила расширить репертуар.

– Понятно: в Большом заварушка.

Ситуация в Большом давно не являлась ни для кого секретом. Время от времени полемика о дальнейшей судьбе главного театра страны выплескивалась на страницы прессы. Злободневная тема широко обсуждалась. Каждый предлагал свой вариант решения проблемы. И на том останавливались.

Все это самым плачевным образом сказывалось на репертуаре театра. Когда приходило новое руководство, постановки предшественников, на которые было затрачено немало сил и средств, снимались. И название спектакля, премьера кото-

рого еще недавно шумно отмечалась в СМИ, тихо исчезало из афиш.

Фотограф расставлял аппаратуру.

– Снимайте пальто. Вешалка в углу. Сумочку можете положить на стул.

Инга разделась.

– У вас удачный наряд. Серебро с бирюзой ваш цвет, – отметил Клепихо. И махнул рукой: – Встаньте пока сюда.

Инга хотела приколоть к блузке красивую бабушкину брошь, но почему-то дома не смогла ее найти.

В голосе фотографа звучали командирские нотки. Но что-то в его манерах настораживало и было неестественным. Присмотревшись, Инга поняла: парень явно голубой. Она насмотрелась на таких в Большом театре, поэтому распознала сразу, без ошибок.

– Как там Ариадна Волошина поживает? – задал вопрос Клепихо. – Пиарит себя со страшной силой.

Инга никак не прокомментировала его вопрос. Ариадна Волошина была раскрученным брендом. А имя она себе сделала на сплошных скандалах. Причем каждый раз скандал возникал на пустом месте. Но он так умело подавался в столичных массмедиа, что складывалось впечатление: Ариадна Волошина – суперзвезда. И все, что бы она ни сделала, должно мгновенно становиться достоянием общественности. Пресса смаковала ее бесконечные романы с олигархами и бизнесменами. Рассказывали, что существует опре-

деленная такса за ночь, проведенную с ней. И что ее якобы купил знаменитый голливудский актер Джим Керри, когда приезжал в Москву.

Слухи циркулировали с бешеной скоростью. То Ариадна задолжала за квартиру, которую отделала и обставила в долг, то она подписала контракт с крупным косметическим концерном, то в очередной раз подает иск на руководство Большого театра, которое в одностороннем порядке разорвало с ней контракт...

Волошина, высокая эффектная блондинка с красивым холодным лицом, часто выступала в различных ток-шоу на телевидении. Два года назад актриса вышла замуж за крупного бизнесмена и родила дочку. Из собственной свадьбы она устроила грандиозное шоу. Во время праздника каталась в карете, на лодке, спускалась сверху на воздушном шаре. Ей оставалось только проплыть под водой и улететь в космос. Остальное она уже все проделала.

Коллеги относились к Волошиной по-разному. Чаще всего либо с неприязнью, либо равнодушно-сдержанно. Инга была из числа последних.

– Давайте сначала сделаем снимок сидя, – предложил фотограф, ставя перед Ингой стул с круглой изящной спинкой. – Сядьте боком.

Инга выполнила указание Клепихо.

– Так... голову вправо. Нет, чуть-чуть. Без резкого поворота.

Щелкнула вспышка. Второй раз, третий.

– Теперь голову прямо и влево. Смотрите на меня. Подбородок выше...

После серии снимков на стуле Клепихо попросил Ингу встать.

– Попробуем с распущенными волосами.

Инга распустила волосы.

– Перекиньте их вперед.

Клепихо подошел и поправил Инге волосы.

Его движения были быстрыми, как бы заученными. Профессиональными. Клепихо отошел и сделал снимок.

– Так... – Он отступил еще на несколько шагов назад.

Объектив казался в его руках одушевленным предметом. Инга поворачивалась влево, вправо, откидывала волосы назад...

– Перерыв! – скомандовал фотограф.

Во время перерыва фотограф без умолку болтал по сотовому. Как Инга поняла из разговора, говорил он с продюсером группы «Каблуки».

После десятиминутного перерыва съемка возобновилась. Закончив фотографировать, Клепихо бросил:

– Отлично! Как раз уложились вовремя.

– Можно посмотреть снимки?

– Потом. Сначала мне самому надо все перелопатить и отобрать лучшие. Это займет несколько деньков. Теперь – расчет. О расценках мы уже говорили по телефону. С вас

пятьсот евро.

– Я помню.

Инга открыла сумочку и достала кошелек. Отсчитала купюры.

Клепихо быстрым движением взял их. Чуть ли не вырвал из рук.

Инга оделась, кивнула фотографу на прощание и покинула студию.

Дома ее ждала домработница Валя.

– Я приготовила ужин. Спагетти с ветчиной и вишневый пирог.

– Спасибо. Мне никто не звонил? Я забыла включить автоответчик.

– Звонил какой-то мужчина, спрашивал, где вы.

Инга нахмурилась.

– Кто именно?

– Он представился, но я не разобрала.

– И что вы ответили?

– Что вы в студии Клепихо. Как вы и велели.

Инга подумала, что Валдис Бракшните становится уж слишком настойчив. Если он позвонит еще раз, надо будет сказать ему, чтобы оставил ее в покое. Она не передумает, мужчина только зря теряет время.

Инга заглянула в органайзер. Вечер был занят – ее пригласили на закрытый просмотр российского фильма «Рассвет над Сибирью» в кинотеатр «Пушкинский». Фильм показы-

вался в рамках фестиваля «Новое российское кино». Инга раздумывала, принять или не принять приглашение. Она не очень любила современное кино, но потом подумала: может, эта лента изменит ее мнение?

Фильм Инге не понравился. Он был шумным и бестолковым. Минимум слов, максимум действий. Персонажи только и делали, что махали руками и ногами.

В фойе кинотеатра Инга увидела много знакомых лиц – звезд театра и кино, шоу-бизнеса.

Внезапно она заметила журналиста, который однажды крепко зацепил ее. Тот самый тип, который мучил ее два часа, а потом обозвал «высокомерной» и «снисходительной».

Увидев Ингу, он подлетел к ней. В его руках поблескивал миниатюрный диктофон.

– Здравствуйте! Вы меня, конечно, не помните... Я – Мирон Кульбитов.

– Почему же, помню, – с ироничным смешком откликнулась Инга.

– Прекрасно. Сейчас я веду программу «Звезда за чашкой кофе». Программа утренняя, рассчитанная на самую широкую аудиторию. Мы знакомим зрителей с наиболее известными персонами отечественной культуры и шоу-бизнеса.

– Очень приятно.

– Я хотел бы услышать от вас два слова по поводу премьеры фильма, который обещает быть хитом номер один в на-

шем кинематографе.

Кульбитов махнул кому-то рукой, и возле него вырос оператор с камерой на плече.

– Игорь, включай!

– Я еще не давала согласия.

На лице журналиста отразилась сложная смесь раздражения с недоумением:

– Инга! Я хотел бы услышать от вас два слова о...

– Я же сказала «нет».

– Это не займет много времени.

Инга ощутила злость.

– Дело не во времени, а в вас. Вы брали у меня интервью и потом без всяких оснований оскорбили меня. Если бы вы не уволились... Или, может, вас уволили? – поправилась Инга. Увидев, как исказилось лицо журналиста, она поняла, что попала в точку. – Так вот, я тогда требовала письменного извинения через газету. В общем, вы легко отделались. Потом вы еще раз оскорбили меня, в телепрограмме. И сейчас опять подходите ко мне! Вопрос закрыт, – негромко сказала Инга, краешком глаза заметив, что к их разговору прислушиваются окружающие.

Она окинула журналиста взглядом сверху вниз. Он был гораздо ниже ее. Обрюзгший молодой человек с прической, полной перхоти, его темно-серый пиджак был обсыпан на плечах белыми точками.

– Вы отказываетесь?

– Я, кажется, ясно сказала. Вам повторить?

Оператор все крутился около них.

– Игорьь, отбой! – скомандовал Кульбитов ему. А затем процедил сквозь зубы: – Вы зря это делаете.

Его лицо исказила злобная гримаса. Но он быстро справился с собой и заговорил насмешливым тоном:

– Мы, журналисты, четвертая власть. В наших руках мощное оружие. Мы можем слепить звезду или погубить ее.

– Послушайте... Я танцую уже давно. Начала еще до того, как вы стали работать в четвертой власти. – Инга произносила слова с легким оттенком насмешливости. – Свою репутацию я создала сама. И вы не можете меня погубить. Или растоптать. Я сама выбираю, с кем мне сотрудничать, а кому отказать. Это решаю только я.

Журналист противно ухмыльнулся. Инга поняла, что сейчас он скажет гадость. Ударит, что называется, ниже пояса.

Так и случилось.

– Хорошо говорить об имени... если оно не твое. Ваш папенька всю жизнь прикрывает вас. И вы вылезаете за его счет. Без отца вы – никто.

И Кульбитов быстро отошел.

Инга пыталась сделать вдох. В груди мучительно заныло. Это было ее самое больное место. Она безгранично любила, просто обожала отца, но была не согласна с мнением, что без него она не состоялась бы как балерина. Ей было безумно обидно слышать такие слова. Как будто в лицо плескали

ядовитую разъедающую жидкость. Иногда громкая фамилия давила на нее и не давала дышать.

Инга знала, что ее постоянно сравнивают с отцом. Считают, что она его бледная тень. Но ведь все не так! Отец был гением. А гении, как известно, рождаются редко. Но у нее свой путь в искусстве и в жизни. Свой! И она не собирается никого повторять. Даже собственного отца. Ей это не нужно. Может быть, попытка стать драматической актрисой и есть желание выйти за привычные рамки, понять, кто же она и на что способна...

Инга оглянулась. Вокруг нее сновала шумная толпа.

Ей захотелось уйти домой и побыть в тишине. Одной.

Она проскользнула к выходу и, пройдя мимо охранника, вышла на улицу.

Нашла машину. Села в нее. Включила зажигание. Стычка с журналистом вывела ее из себя. Она подумала, что ей никак не удастся выработать в себе хладнокровие и выдержку, которые помогли бы ей сохранять спокойствие в любой ситуации. Это было очень трудно.

В детстве за обидчивость и ранимость ее дразнили «роза-мимоза». Отец часто говорил ей, трепля по волосам, когда она прибежала к нему в слезах:

– Инга, нельзя быть такой обидчивой. Сгоришь. Не обращай ни на что внимания. Будь крепче. Береги нервы.

– А ты? – спрашивала его Инга. – Всегда следуешь этому правилу?

Отец разводил руками и смущенно улыбался.

– К сожалению, нет, малыш. Потому-то мне и трудно. Знаю, что должен беречь себя ради танца. Но... срываюсь. А это неправильно.

Отвлечшись от воспоминаний, Инга резко трянула головой.

– Да пошел он, журналист, куда подальше! – произнесла она громко, вслух. – Буду я из-за какого-то козла портить себе настроение. Ублюдок!

Как ни странно, Инге стало легче. Нужно учиться давать отпор, а не переживать из-за каждого мерзавца.

Инга тронула машину с места и отъехала от кинотеатра.

Дома, чтобы окончательно успокоиться, она решила сесть за компьютер и разобрать электронную почту. Пообщаться с поклонниками.

Даже странно подумать, что когда-то она боялась техники. И считала, что никогда не сможет работать за компьютером. Мол, он не для нее.

Но потом по совету Андрея и вместе с ним купила ноутбук. Брат сказал, что ей обязательно, просто необходимо иметь свой сайт для общения с фанатами и любителями балета.

– Так нужно, Инга. Иметь свой сайт – современно. Нельзя жить вчерашним днем.

– Я не смогу овладеть этой китайской грамотой.

– Чепуха! – отмахнулся Андрей. – Сможешь. Я пришлю тебе толкового парнишку, который даст тебе пару уроков. Мне он тоже помогал. Оплата – по договоренности.

– Я согласна.

– Тогда – нет проблем. Ну что, идем покупать ноутбук?

– Идем.

Купленный ноутбук еще пару недель стоял у Инги в доме как предмет мебели. У нее были другие дела. А может, она просто откладывала нудное дело в долгий ящик. На «потом». Но Андрей позвонил и напомнил о сайте. Когда Инга сказала, что ей сейчас некогда, сказал жестким тоном:

– Всем некогда. Надо брать себя за шкуру и делать. Иначе – никогда не освоишь компьютер. Я уже дал твой телефон Диме. В любой момент он может позвонить. Будь готова.

Дима позвонил вечером. Инга назначила ему встречу на завтра. «Парнишка» оказался двухметровым тощим мужиком с огромными усами.

Дима долго и подробно объяснял основные функции ноутбука. Инга все старательно записывала, по несколько раз переспрашивая. И он терпеливо повторял по второму и третьему кругу.

В технику Инга вникала медленно, но через три недели освоилась.

Сайт ей сделал тоже Дима. За тысячу долларов. Поставил Интернет и электронную почту.

Андрей посоветовал сестре дать свой электронный адрес

в Интернете.

– Будут приходиться письма. И ты станешь отвечать на них. По принципу обратной связи.

Инге было все равно, но раз Андрей считал, что это нужно...

Общение с поклонниками было малоинтересным. В основном все спрашивали об отце. О ее личной жизни. И о ситуации в Большом. Никаких интересных вопросов о творчестве или искусстве.

Инга общалась по инерции. Надо так надо. Не бросать же переписку.

Так было и сегодня.

Она вошла в почту. Письмо, еще одно...

Четыре письма.

Две адресатки были ей знакомы. Одна из них – некая Маша Л., появившаяся недавно и постоянно терзавшая ее вопросами на личную тему. Вторая – Пика, любившая ерничать насчет бардака в Большом театре. Третье письмо было от неизвестного Вадима Сета, который просил ее выслать фото в бикини. Инга удалила письмо.

А вот четвертое... Четвертое послание ее заинтересовало.

Привет, Инга!

Я хочу с тобой переписываться. Мне очень нравится балет. Все считают, что он уже устарел и его пора сдать на свалку истории. Но я так не думаю. Мне кажется, что балет еще не исчерпал свои

возможности. В дальнейшем он будет все более и более востребован. Мои знакомые говорят, что это отстой. Но я не согласна.

Балетом можно выразить то, что не выразишь в драматическом спектакле. Или в пениш. Можно станцевать так, что все будет понятно и без слов. Так танцевал твой отец. Мне рассказывали об этом. Пришли, пожалуйста, его фотографию. И свою тоже.

А ты, Инга, как считаешь? Есть ли у балета будущее? Или его полностью заменят эстрада и кино? Как он будет развиваться дальше? Что ты думаешь по этому поводу?

Жду ответа. Жизел.

Клепихо остался в студии один. Он сидел и просматривал снимки Инги Мартинсоне. Они были удачными, и своей работой фотограф остался доволен.

Зазвонил телефон. Клепихо нажал на кнопку.

– Да! Кто это?

Ему представились и изложили просьбу: продать снимки Мартинсоне. За приличную сумму. Клепихо не раздумывал. Он был человеком денег. Если была возможность заработать – отказываться глупо. Если кто-то хочет купить фотки балерины – пожалуйста! Ему-то какое дело? Что хотят, то пусть с ними и делают. Он знал мужиков-извращенцев, ко-

торые онанировали, глядя на снимки. Это их личное дело!
Он продаст снимки, и все.

– Сколько они стоят?

Клепихо задумался.

– Две тысячи баксов.

– Хорошо.

– Вы мне деньги – я вам снимки. Когда придете?

– Завтра.

– Во сколько?

– В семь.

– Жду.

Клепихо дал отбой. Он решил сделать перерыв и выпить холодного пивка. Завтра он получит деньги за снимки балерунки. А потом сделает подарок своему мальчику – хорошие часы.

Через два дня Клепихо позвонил Инге:

– Фотографии готовы. Можете приезжать за ними.

– Когда?

– Когда вам удобно. Сами заедете или кого-нибудь пришлете?

– Я хочу посмотреть их сама.

– Добро.

В студии Клепихо был не один. Там сейчас находилась молодая актриса, сыгравшая главную роль в нашумевшем боевике по роману известного детективного автора, Дениса

Акулова. Фильм назывался «Турецкий экспресс».

Актриса была в полупрозрачном розовом наряде.

Клепихо вышел к Инге.

– Извиняюсь, времени – в обрез. – И он провел рукой по щеке. – Вот фотографии. Давайте я провожу вас в кабинет, посмотрите там. Через пятнадцать минут перерыв, тогда я смогу с вами поговорить.

Инга устроилась в крохотной комнатке, где стояли стол с ноутбуком, пара стульев и маленький шкаф.

Клепихо исчез. Инга осталась одна. Фотографии были яркими, эффектными. Инга повертела карточки в руках. Буклет должен получиться отличным: броским, запоминающимся. Инга прищурилась, чтобы лучше разглядеть снимки.

Через несколько минут дверь приоткрылась, и в нее просунулась голова фотографа.

– Ну как? – кивнул он на снимки.

– Отлично.

– Конечно! – надменно произнес Клепихо. – Ведь я – настоящий профи.

Инга про себя подумала: и еще самовлюбленный козел. А вслух коротко сказала:

– Спасибо.

– Если что, обращайтесь ко мне. Можете рекомендовать знакомым.

– Буду иметь в виду.

– Если порекомендуете – вам в следующий раз будет пя-

типроцентная скидка.

У Клепихо все было поставлено на товарно-денежную основу.

– До свидания.

– Всего доброго.

Дома Инга полезла в почту. Там было письмо от Жизел. Незаметно Инга увлеклась этой перепиской. В отличие от других тупых адресатов, Жизел интересовалась балетом, его историей, жизнью и творчеством ее отца, Ингиными успехами.

Балерина раскрыла почту.

Привет, Инга!

Как проходят твои репетиции драматического спектакля про Марию-Антуанетту? Понравилось ли тебе быть драматической актрисой?

Что ты чувствовала при этом? Ты примеряла на себя чужую маску? Это легко? Всегда ли мы те, кем кажемся? Тебе никогда не приходил в голову вопрос: а кто мы на самом деле?

На другое утро Ингу ждал сюрприз. Не успела она выйти из дома на улицу, как ее окликнула консьержка:

– Вам презент.

Женщина выговорила слово «презент» почти как «президент».

– Какой? – не поняла Инга.

– Сейчас, – засуетилась дежурная. Нагнувшись, достала из-под стола плоский сверток размером полтора метра на два.

– Что это?

– Не знаю.

– Кто принес?

– Какой-то мальчик.

Инга вяла сверток и пошла обратно домой. В квартире развернула его.

Это оказался ее портрет. Она в образе нимфы из балета «Весенний ручей». Красивый портрет.

Внизу была приписка: «Инге от Валдиса Бракшните».

Глава четвертая

Портрет ей понравился. И она подумала, что ей следует поблагодарить за него господина Бракшните. Будет невежливо с ее стороны, если она никак не отреагирует на такой знак внимания.

Вернувшись домой, она набрала номер. Домработница только что ушла, и балерина осталась одна. Наступал вечер. Окно было полуоткрыто, и свежий ветер гулял по комнате.

– Здравствуйте, Инга! – услышала она на том конце провода.

– Добрый день.

Возникла легкая пауза.

– Я хотела бы поблагодарить вас.

– За что?

– За портрет.

– А... – Инга услышала легкий смешок. – Я рад, что вам понравилось.

– Портрет и в самом деле чудесный. Спасибо.

– Инга...

Она вся напряглась, ожидая вопроса о рекламе. Неужели он не понимает, что ей не хочется ссориться или быть резкой с ним в такую минуту, когда она позвонила, чтобы просто сказать «спасибо»?

– Вы не откажетесь со мной поужинать?

У нее отлегло от сердца.

– Не откажусь. – В голосе Инги прозвучало легкое кокетство.

– Замечательно! – Ее собеседник заметно обрадовался. – Я вас поведу в одно удивительное место. Вам понравится. Я в Москве недавно, но мне его порекомендовали друзья. Я сходил, и мне понравилось. Вы сможете подъехать к метро «Тургеневская» к восьми часам?

Инга посмотрела на часы. Успеет, собираться ей недолго.

– Смогу.

– Тогда я жду вас. Я буду стоять около черного «Форда».

– До встречи.

– До свидания.

Инга стала собираться. Ей вдруг захотелось одеться понаряднее. Не в таком стиле, как обычно. В быту она предпочитала спортивный стиль: джинсы, водолазки, свитера, туфли на низком или среднем каблуке. Свой наряд она обычно оживляла сумочкой яркого цвета. А платья надевала только на торжественные мероприятия. Когда того требовал этикет.

Балерина открыла гардероб. И остановилась на черных брюках, расширенных книзу, и кружевном жакете цвета слоновой кости. Это было нарядно и вместе с тем не вычурно. К месту.

Бежево-золотистая маленькая сумочка и изящные полусапожки на маленькой шпильке довершили образ.

Инга не стала сильно краситься. Тушь на ресницы и про-

зрачный блеск на губы.

Смотря сейчас на себя в зеркало, она неожиданно подумала, что идет на свидание с почти незнакомым человеком, не вызывающим у нее особой симпатии. Мужчина был приятен, но не более того. И согласие на ужин с ним с ее стороны – просто знак благодарности за прекрасный портрет, который он преподнес ей.

Инга улыбнулась упорству Валдиса Бракшните. Он надеялся склонить ее к участию в своем проекте и готов был прибегнуть к самым неожиданным способам. Вроде этого портрета. Какой смешной!

Но она останется при своем решении. Съёмки в рекламе ей ни к чему. Однако Инга не хотела, чтобы о ней говорили как о высокомерной гордячке. Пусть господин Бракшните знает, что ее нельзя купить, но быть вежливой она умеет.

Закрывая дверь на ключ, Инга мельком подумала, что бабушкина брошь так и не нашлась.

Ресторан «Старый мулат» был очень мил. Инга будто бы попала в атмосферу декаданса начала прошлого века.

В зале было почти темно. Но этот полусвет был своего рода «фишкой» ресторана. При ярком освещении его оформление выглядело бы совершенно по-другому, не таким изысканным и красивым. А так – будто забытый островок в большом городе.

– Осторожно, здесь ступеньки, – вполголоса предупредил

Валдис Браکشните и подхватил спутницу под локоть.

Инга все же споткнулась, но благодаря своевременной поддержке устояла на ногах. И тихо рассмеялась.

– Я сам едва здесь не упал, когда был в первый раз.

Сегодня Валдис Браکشните выглядел настоящим лондонским денди. В хорошем костюме и галстукe-бабочке.

– Выбирайте, куда мы сядем.

Инге понравился уютный столик в углу. Но потом она подумала, что это будет как-то слишком лично, интимно, и показала рукой в центр зала.

– Может быть, здесь?

– Как вам угодно.

Бархатные стулья были похожи своей формой на лепестки. Над столом висел абажур терракотового цвета. Стеклянные столы снизу подсвечивались синим цветом.

Им принесли меню. И канделябр со свечами, которые официант сразу зажег. Вспыхнувшие язычки пламени ласковыми бликами заскользили по рукам Инги и ее лицу.

– Люблю свечи, – тихо произнес Браکشните. – Сразу вспоминается Рождество. Елка, детство...

Инга молчала. Она вдруг подумала, что зря пришла сюда. Ну о чем она будет разговаривать с господином Браکشните? Он, наверное, по-прежнему надеется вырвать у нее согласие и во время ужина станет уговаривать сняться в рекламе. Надо было ограничиться благодарностью по телефону. А так ей нужно сидеть и вымучивать темы для беседы. Не может же

она обсуждать с ним его или собственное детство?

– У вас нет настроения?

Вопрос был задан тихо, каким-то участливым тоном, но Инга ощутила внутреннее раздражение. Он не имел никакого права задавать такие вопросы! Он ей никто! И ему не должно быть никакого дела до ее настроения!

Но она взяла себя в руки.

– Нет. Просто устала.

– Может, мы что-нибудь выберем из меню?

– Да, конечно.

Она решила ограничиться десертом. Фруктовое желе. Вишневое мороженое. И кофе.

– Я хотел бы заказать вина.

– Пожалуйста.

– Вы составите мне компанию?

– Немного выпью.

Принесли десерт и красное французское вино.

Бракшните тоже заказал себе десерт и салат с индейкой.

Мужчина налил вино в бокалы.

– Давайте выпьем за вас. За то, чтобы в искусстве у вас все получалось. Пусть вам всегда сопутствует удача и ветер дует в ваши паруса.

Они сделали по глотку.

– Хорошее вино, – сказал Бракшните.

– Да.

– Во Франции знают толк в винах. Когда я был в Париже,

мне ужасно хотелось попробовать знаменитых круассанов. А о вине я почему-то не думал. Когда вернулся из командировки, меня спросили про французскую кухню, и я сказал, что каждый день лакомился круассанами. Меня не поняли. Подумали, что я всех разыгрываю. Притворяюсь. Пил вино, а говорю про булочки. Вы были в Париже?

– Была.

– И как он вам?

Инга пожала плечами.

– Красивый город.

– Мне он показался холодным и закрытым. А вам?

– Не знаю. Я не жила в Париже, а мимолетное впечатление может быть очень необъективным.

Инга поддела ложкой желе.

– Согласен с вами. Мне больше нравится... мм... самобытная культура. Не тронутая цивилизацией. Те места, где сохранилось много старины. Например, в Испании.

Инга вздрогнула. Испания тоже была ее любимой страной. Она часто бывала там. В Мадриде. В Барселоне. В Севилье.

Она решила поставить этому заслон. Бракшните подбирается к ней, надеется расположить ее к себе.

Инга положила десертную ложечку на салфетку.

– Знаете, Валдис... Мне очень жаль, что я вынуждена повторить, но... Все-таки в рекламе я сниматься не буду. Я хотела выразить вам благодарность за портрет. Он – замечательный! Но мое мнение от этого не изменится.

В глазах мужчины мелькнуло что-то похожее на удивление.

– Так вы думаете, будто я пригласил вас сюда, чтобы снова надоедать вам своей рекламой?

Инга растерялась.

– Н-нет...

– Я не собирался вам надоедать. Мне тоже очень жаль, но я уважаю вашу позицию. Мне просто очень приятно находиться рядом с вами... – Бракшните замолчал.

– Извините, если я вас не так поняла, – тихо сказала Инга.

– Это вы простите меня. Наверное, своим поведением я дал вам основание так думать обо мне... Я уже веду переговоры с другой балериной.

Что-то неприятно екнуло в груди Инги.

– Она дала согласие? – быстро спросила балерина.

Бракшните покачал головой.

– Пока еще нет. Мы обговариваем условия сотрудничества.

Инга отпила кофе.

– Еще вина?

– Нет. Спасибо.

Зазвонил телефон. Раздался голос Андрея.

– Привет! Ты где?

– В ресторане.

– Развлекаешься? И с кем?

– Секрет.

– Ого! Уже секреты развела!

– Если ты такой любопытный, могу сказать. С твоим знакомым, с Валдисом Бракшните.

– О! Поздравляю. Он – отличный парень.

Наступило молчание.

– А у меня для тебя, сестренка, невеселые новости.

– Что такое?

– Даже не знаю, как тебе сказать...

– Говори!

– Твой спектакль «Семирамида» закрывают.

Инге казалось, что где-то рядом жужжит муха. Такая для нее наступила тишина – можно оглохнуть. Обычный ресторанный шум как будто бы пропал, и все звуки утихли.

– Откуда ты узнал?

– Из достоверных источников. Один знакомый сказал. Он вхож к руководству Большого. Я стараюсь ни с кем не терять контактов.

Да, и правда, Андрей сохранил связи и знакомства со многими влиятельными людьми. Он ни с кем не ссорился. Это было не в его характере. Напротив, он обростал людьми, словно возводил стену вокруг своего коттеджа. Это помогало ему жить и успешно заниматься продюсированием, ставить спектакли. Он сумел завязать нужные знакомства и на международном уровне – Андрей часто выезжал за границу и ставил спектакли в зарубежных театрах. Кроме того, организовал и возглавил фонд имени отца...

Инга понимала: если Андрей сказал – так и есть. Брат не будет пугать ее непроверенной информацией.

– Алло! Ты меня слышишь?

– Конечно, – деревянным голосом откликнулась Инга.

– Ты держись. Передавай привет Валдису.

– Передам.

Инга положила сотовый на стол.

– Что-то случилось? – спросил Бракшните.

Она подняла на него глаза.

– Случилось. У меня отняли спектакль... – Она немного помолчала, а потом сказала: – Я буду сниматься в вашей рекламе. Еще не поздно?

Валдис Бракшните расплылся в радостной улыбке.

– Конечно, нет. Я приостановлю все переговоры. И мы начнем с вами работать, когда вы пожелаете.

Почему у нее вырвались слова согласия, она и сама не смогла бы толком объяснить. Может, то был акт отчаяния. Если спектакль, который она так любила, закрыт... Ей нравился гордый образ царицы Вавилона Семирамиды. Красивая партия, где было много отточенных движений и эффектных поддержек. У нее было всего два спектакля. А теперь – один.

Но что могла ей дать реклама? Уверенность в себе? Или ее неожиданное для себя самой согласие – способ поскорее оправиться от полученного удара? Инга знала, что работа ча-

сто бывает спасением. Той ниточкой, которая вытаскивает из бездны отчаяния.

На другой день, проснувшись, она чувствовала себя совершенно разбитой.

Неожиданно зазвонил телефон. Инга сняла трубку и услышала голос старой знакомой их семьи. Музыкальный редактор Алиса Николаевна Борятинская когда-то работала в Большом театре, но сейчас была на пенсии. Примерно раз в полгода Инга навещала ее. А сейчас ощутила угрызения совести: она уже давно не была у старушки.

– Инга, дорогая, – раздалось в трубке, – как ваши дела? Что-то вы меня забыли... Все в порядке? Ничего не случилось?

– Все нормально. Алиса Николаевна, хотите – приезжайте ко мне в гости.

– С удовольствием. Через час буду у вас.

– Вы помните адрес?

– Конечно, помню. Как же я могу его забыть?

Алиса Николаевна приехала через полтора часа. Она расцеловалась с Ингой в коридоре и принялась восклицать:

– Вы совсем не изменились! Только хорошеете!

Борятинская всегда была слишком любезна. До приторности. Compliments старушки напоминали сахарную вату, тягучую и сладкую.

– Алиса Николаевна, вы со мной кофе выпьете?

– С удовольствием. Как ваши дела?

– Мой спектакль, «Семирамиду», закрыли.

– Безобразия! Безобразия!

Инга с Алисой Николаевной пили кофе в большой комнате. Алиса Николаевна вспоминала о старых добрых временах, о том периоде, когда она работала в Большом театре. Ее послушать, так в пору составлять многотомную энциклопедию под названием: «Я и выдающиеся люди». Можно было подумать, без Брятинской не обходилось ни одно крупное событие в мире искусства. Инга слушала старушку с улыбкой, прекрасно понимая, что все слова гости нужно делить на два.

– Ах, ваш папа! – закатывала глаза Брятинская. – Такой гениальный танцовщик! Таких уже нет. Как он танцевал, как танцевал... А потом, бывало, позвонит после спектакля мне и спросит: «Ну как, Алиса Николаевна? Как я сегодня танцевал? Что вы скажете?»

Представить, что ее отец советовался по поводу своих балетных партий с Брятинской, Инге было очень трудно.

– А каким ранимым человеком был ваш отец! Тонким, душевным! – Алиса Николаевна поджала тонкие губы, накрашенные бордовой помадой, и многозначительно добавила: – От этого и страдал в жизни. Нужно было проще на все реагировать. Много пропускать мимо.

– Нет, он так не мог. Или не умел.

– А какой он был красавец! Женщины буквально на шею

ему вешались. У него был громкий роман с балериной Мариной Поволоцкой. За кулисами все только и шептались об этом.

– Я знаю. Мама тогда сильно переживала. Внешне все было спокойно в нашей семье. А внутри... Мама боялась, что он уйдет, бросит нас. Ревновала его страшно.

Слова вырвались у Инги случайно. Она испуганно замолчала, не желая продолжать тему. Это была жизнь *ее* семьи. И совершенно незачем посвящать в нее чужих людей. Пусть даже и старых знакомых.

Каждая семья, по мнению Инги, сложный организм со своими внутренними законами и традициями. То, что для одних дикость, для других – норма. Толстой был одновременно прав и не прав. Инга перефразировала бы знаменитую цитату: каждая семья и счастлива по-своему, и несчастлива – по-своему. С годами многие члены семьи настолько сживаются друг с другом, что боль каждого многократно отдается в другом. А уж если оба родителя – артисты...

Мать Инги была рядовой драматической актрисой. Но говорить о том, что ее творческая судьба не сложилась, глупо. По одной-единственной причине – она и не стремилась сделать карьеру. Главным для матери всегда была семья. Она не жертвовала собой, нет! Мама с удовольствием занималась домашними делами и бытом, ей было не в тягость. Напротив, она ощущала себя полезной и нужной в данном качестве. И это ей нравилось.

А вот отец весь был в работе. В выступлениях. В спектаклях. В доме все подчинялось его творчеству, театру, что было само собой разумеющимся. Дети росли в почитании актерской профессии. В сознании того, что она требует сосредоточенности и внимания. Времени и покоя. Отрешенности и вдохновения.

Что бурлило в душе у матери, когда отец переживал свои звездные мгновения и был кумиром многих женщин, которые писали ему восторженные письма и ждали после спектакля у служебного входа, – Инга не знала. А сама мама никогда не говорила. Это была запретная тема. Но по отдельным репликам, по обрывкам разговоров Инга поняла – не все гладко и благополучно в их семье. Девочка видела: отец дает немало поводов для ревности, но мать крепится изо всех сил ради семьи и детей.

– С вашим отцом было нелегко, – все же продолжила тему гостья. – Я так думаю.

Инга ощутила раздражение. В их семье было очень развито *чувство клана*, родственности. Что бы ни случилось за закрытыми дверями – это *их* семья. И посторонним туда вход воспрещен. Они сами во всем разберутся. Без кого бы то ни было.

Один эпизод из детства врезался Инге в память. Они с Андреем, еще маленькие, гуляли в лесу вместе с отцом. Был июль, середина лета. Жара стояла такая, что кончики трав стали желтыми от палящего зноя. Во рту постоянно пересы-

хало, и они пили уже третью бутылку воды.

Бродили по подмосковному лесу бесцельно, однако не углублялись слишком далеко, чтобы не заблудиться. Через какое-то время они вышли на поляну, где рос могучий дуб. Дерево возвышалось мощным гигантом над остальными. Корни дуба, крупные и корявые, кое-где обнажились.

Отец подвел их к лесному великану.

– Вот, смотрите, – сказал он, показывая на дуб. – Почему он такой крепкий и сильный, знаете?

– Потому что высокий, – сказал Андрей.

– А ты что думаешь, Инга?

Девочка задумалась. Наконец ответила:

– У него крепкие корни, которые сидят глубоко в земле.

Он питается от нее.

– Умница! – Отец подхватил ее и поцеловал. – Посмотрите, какие у него мощные корни. Но если один корень зачахнет, незаметно начнет чахнуть и дерево. Сразу в глаза это не бросится, все будет происходить очень постепенно. И сильное дерево станет сохнуть, умирать. Так и в жизни... – В голосе отца слышались грустные нотки. – Всегда держитесь вместе. Помните, что вы носите фамилию Мартинсоне. Поддерживайте друг друга. Что бы ни случилось в вашей жизни! Тогда вам будет легко. И вы будете сильными. Стоит вам поссориться – все рухнет. Особенно когда не станет меня.

– Как это? – расширила глаза Инга. Ей было пять лет, и смерть казалась малышке чем-то далеким и недостижимым.

Как луна в небе.

– А так! – И отец нажал ей на кончик носа. – Ты еще мала, чтобы о таком думать, но когда-то не станет всех нас. Так устроено в жизни. Одни уходят, другие приходят.

И тут Андрей заревел.

– Не хочу! Не хочу никуда уходить! Мне и здесь хорошо!

– А мы никуда не уходим. Мы сейчас посидим под дубом и помечтаем, глядя в небо. Кто первым увидит облако, похожее на слона, получит от меня приз.

Тот разговор Инга запомнила на всю жизнь. И теперь чужая женщина пытается влезть в их частную жизнь. Надо поставить точку.

– Это уже дело прошлое, – сухо сказала Инга. – Зачем обсуждать людей, которых нет?

– Вы уж простите меня, но... – Светло-голубые глаза Алисы Николаевны неотрывно смотрели на Ингу. – Неужели вы не знаете, что у вашего отца есть еще одна дочь?

На минуту Инге стало трудно дышать. Она провела рукой по горлу, как бы освобождая себя от невидимой удавки.

– О чем вы говорите? Я не понимаю.

– А я думала – вы знаете.

– Какая дочь? – Мысли Инги путались.

– Дочь вашего отца. В последнее время ваши родители плохо жили друг с другом, и у отца появилась женщина. Она родила от него дочь.

Она родила дочь!

Инге показалось, что она оглохла. Слова перестали доходить до нее. Время словно остановилось и замерло. Перед глазами расплылось мутное пятно. Она плачет? Или теряет сознание?

– Откуда вы знаете?

– Это знаю не одна я. Но я думала, вам все известно.

– Нет, я не знала, – вырвалось у Инги.

– Жаль. Она приятная девочка.

– Девочка?

– Да. Его дочка.

Инга замолчала. Через пару минут с трудом выдавила из себя:

– Я что-то плохо себя чувствую. Напряжение, стресс, закрытие спектакля...

– Конечно, конечно. Отдыхайте, милочка, я уйду. Было очень приятно побывать у вас.

Инга осталась одна. Сестра! Значит, у нее есть сестра!

В детстве она часто приставала к матери с просьбой родить ей сестренку. Но мать отвечала:

– А брата тебе мало?

– Мало, – кивала Инга. – Он вредный. И дерется.

Да, было время, когда Андрей обижал Ингу, и она часто плакала от его проделок.

– Ну... не знаю, – терялась мать. – Мне вас хватает.

– А мне – нет! Я хочу сестренку!

И вот теперь оказалось, что у нее есть сестра. Боже мой!

Какой удар будет для матери, если она узнает об этом!

Инга решила пока молчать об услышанном. Не говорить маме и брату. Для них это будет слишком большой неожиданностью. Да уж, жизнь иногда подкидывает такие сюрпризы, что кино отдыхает.

Вот и другой пример: еще вчера днем Инга была уверена в том, что никогда не будет сниматься в рекламе, а вечером изменила свое мнение на сто восемьдесят градусов. Никогда не говори «никогда». Как права старая мудрость...

Пусть эта работа – не весть какое громкое событие в ее жизни. Она все равно полностью выложится в ней, сделает интересной, творческой. Этому ее научил отец: даже в самой маленькой роли находить что-то свое, какой-то оригинальный поворот, изюминку.

Инга не успела переступить порог квартиры, как по сотовому позвонила Катя. Злая, возбужденная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.